

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовно-процессуальная ответственность»

Обучающийся

В.С. Никитин

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. мед. наук, Т.В. Моисеева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена значимостью института уголовно-процессуальной ответственности для обеспечения эффективного функционирования механизма уголовного судопроизводства. В условиях усиления гарантий прав участников уголовного процесса и необходимости повышения качества правосудия, данный институт приобретает особую важность как инструмент поддержания процессуальной дисциплины и обеспечения законности в ходе производства по уголовным делам. Кроме того, с учетом последних изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), включая введение электронных форм уведомлений и расширение использования видеоконференц-связи, институт ответственности адаптируется к цифровизации, что усиливает его роль в предотвращении нарушений в онлайн-форматах судопроизводства, обеспечивая тем самым более оперативное и доступное правосудие без ущерба для принципов законности и равенства сторон.

Цель исследования заключается в формировании комплексного научного представления об уголовно-процессуальной ответственности как самостоятельном правовом институте, выявлении проблем его правового регулирования и разработке практических рекомендаций по совершенствованию.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе реализации уголовно-процессуальной ответственности.

Предмет исследования – нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие основания и порядок применения мер уголовно-процессуальной ответственности, материалы судебной практики, а также теоретические концепции, раскрывающие сущность и содержание данного института.

Структура работы включает введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретико-правовые основы уголовно-процессуальной ответственности	8
1.1 Понятие и сущность уголовно-процессуальной ответственности.	8
1.2 Место уголовно-процессуальной ответственности в системе юридической ответственности	14
1.3 Правовая природа и функции уголовно-процессуальной ответственности.....	17
Глава 2 Основания и меры уголовно-процессуальной ответственности	23
2.1 Уголовно-процессуальное правонарушение как основание ответственности.....	23
2.2 Система мер уголовно-процессуальной ответственности.....	27
2.3 Процессуальный порядок применения мер уголовно-процессуальной ответственности.....	33
Глава 3 Проблемы и перспективы развития института уголовно-процессуальной ответственности.....	38
3.1 Проблемы правового регулирования уголовно-процессуальной ответственности в современном законодательстве	38
3.2 Пути совершенствования института уголовно-процессуальной ответственности.....	46
Заключение	55
Список используемой литературы и используемых источников	59

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена значимостью института уголовно-процессуальной ответственности для обеспечения эффективного функционирования механизма уголовного судопроизводства. В условиях усиления гарантий прав участников уголовного процесса и необходимости повышения качества правосудия, данный институт приобретает особую важность как инструмент поддержания процессуальной дисциплины и обеспечения законности в ходе производства по уголовным делам. Кроме того, с учетом последних изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), включая введение электронных форм уведомлений и расширение использования видеоконференц-связи, институт ответственности адаптируется к цифровизации, что усиливает его роль в предотвращении нарушений в онлайн-форматах судопроизводства, обеспечивая тем самым более оперативное и доступное правосудие без ущерба для принципов законности и равенства сторон.

Уголовно-процессуальная ответственность выступает необходимым элементом правового регулирования, обеспечивающим реализацию назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ. При этом в научной литературе и правоприменительной практике отсутствует единство подходов к пониманию сущности, правовой природы и механизмов реализации данного вида ответственности, что порождает сложности в разграничении уголовно-процессуальной ответственности с иными видами юридической ответственности и снижает эффективность ее применения. В частности, такие разнотечения приводят к неоднородности судебных решений, где меры принуждения применяются без достаточного учета специфики процессуальных отношений, что подчеркивает потребность в унифицированном теоретическом фундаменте для практического использования института.

Особую значимость исследованию придает недостаточная законодательная регламентация уголовно-процессуальной ответственности в УПК РФ, отсутствие четкого понятийного аппарата и системы мер, а также пробелы в процессуальном порядке их применения. Фрагментарность нормативного регулирования порождает коллизии между нормами уголовно-процессуального и административного законодательства, что негативно сказывается на единобразии судебной практики. Например, такие коллизии часто проявляются в дублировании санкций за аналогичные нарушения, как в случаях неуважения к суду, где применение штрафов по УПК РФ и КоАП РФ требует четкого разграничения для избежания двойной ответственности и обеспечения принципа справедливости.

В условиях цифровизации уголовного судопроизводства, внедрения электронных форм процессуальных документов и применения видеоконференц-связи возникают новые вызовы для института уголовно-процессуальной ответственности, требующие теоретического осмысливания и разработки практических рекомендаций. Эти обстоятельства подчеркивают необходимость комплексного исследования проблем и перспектив развития института уголовно-процессуальной ответственности. Такие вызовы включают, в частности, риски несанкционированного доступа к данным в цифровой среде или игнорирования электронных повесток, что актуализирует адаптацию мер ответственности для поддержания дисциплины в виртуальных процессах без нарушения прав участников.

Степень разработанности темы исследования характеризуется неоднородностью научного интереса к различным аспектам уголовно-процессуальной ответственности. Вместе с тем, отсутствуют комплексные исследования, посвященные развитию института уголовно-процессуальной ответственности в условиях цифровизации судопроизводства и последних изменений законодательства 2023-2025 годов, что подчеркивает необходимость дальнейшего научного осмысливания данной проблематики. Это пробел особенно заметен в условиях перехода к цифровым платформам, где

новые формы взаимодействий требуют обновления понятийного аппарата и механизмов ответственности для адекватного реагирования на возникающие нарушения.

Цель исследования заключается в формировании комплексного научного представления об уголовно-процессуальной ответственности как самостоятельном правовом институте, выявлении проблем его правового регулирования и разработке практических рекомендаций по совершенствованию.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- раскрыть понятие и сущность уголовно-процессуальной ответственности;
- определить место уголовно-процессуальной ответственности в системе юридической ответственности;
- исследовать правовую природу и функции уголовно-процессуальной ответственности;
- проанализировать уголовно-процессуальное правонарушение как основание ответственности;
- изучить систему мер уголовно-процессуальной ответственности;
- рассмотреть процессуальный порядок применения мер уголовно-процессуальной ответственности;
- выявить проблемы правового регулирования уголовно-процессуальной ответственности в современном законодательстве;
- определить пути совершенствования института уголовно-процессуальной ответственности.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе реализации уголовно-процессуальной ответственности.

Предметом исследования выступают нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие основания и порядок применения мер уголовно-процессуальной ответственности, материалы судебной практики, а

также теоретические концепции, раскрывающие сущность и содержание данного института.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (диалектический, системный, анализ, синтез, индукция, дедукция) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, статистический).

Теоретическую основу исследования составляют научные труды отечественных ученых в области теории права, уголовно-процессуального права, посвященные проблемам юридической ответственности в целом и уголовно-процессуальной ответственности в частности.

Нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральные законы и иные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы уголовно-процессуальной ответственности.

Эмпирическую основу исследования составляют материалы судебной практики Верховного Суда РФ и нижестоящих судов по вопросам применения мер уголовно-процессуальной ответственности.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в законотворческой деятельности при совершенствовании норм уголовно-процессуального законодательства, в правоприменительной практике органов предварительного расследования и суда.

Структура работы включает введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретико-правовые основы уголовно-процессуальной ответственности

1.1 Понятие и сущность уголовно-процессуальной ответственности

Институт уголовно-процессуальной ответственности является краеугольным элементом уголовного судопроизводства, обеспечивающим соблюдение процессуальных норм и поддержание законности в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел. Его изучение представляет значительную сложность ввиду отсутствия единого доктринального подхода к определению, правовой природе и функциям данного института, а также недостаточной нормативной регламентации в законодательстве Российской Федерации. Разнообразие научных взглядов, отражающих как теоретические, так и практические аспекты уголовно-процессуальной ответственности, подчеркивает необходимость системного анализа для формирования целостного понимания ее сущности и роли в правовой системе. Теоретическое осмысление данного института важно не только для науки уголовного процесса, но и для правоприменительной практики, поскольку от четкости его регулирования зависит эффективность расследования и защиты прав участников процесса.

Понимание уголовно-процессуальной ответственности начинается с анализа ее отраслевой специфики, обусловленной природой уголовно-процессуальных правоотношений, которые характеризуются публично-правовым началом, неравенством субъектов и строгой нормативной регламентацией. В доктрине уголовного процесса отсутствует единое определение данного института, что порождает необходимость изучения различных подходов к его сущности и содержанию. Научное осмысление уголовно-процессуальной ответственности требует акцента на ее связи с процессуальным статусом участников, а также на ее роль в обеспечение целей уголовного судопроизводства. Особое значение имеет рассмотрение уголовно-

процессуальной ответственности как механизма, обеспечивающего баланс между государственным принуждением и защитой прав личности, что делает ее ключевым инструментом правосудия.

В условиях современных вызовов, связанных с цифровизацией судопроизводства, сущность уголовно-процессуальной ответственности расширяется за счет новых форм нарушений, таких как игнорирование электронных уведомлений, что требует адаптации понятия для поддержания дисциплины в цифровой среде без ущерба для принципов справедливости и оперативности процесса.

П.С. Элькинд определяет уголовно-процессуальную ответственность как «вложение на правонарушителя дополнительной обязанности, лишение процессуальных прав или сочетание этих мер» [38, с. 96], акцентируя внимание на ее компенсаторно-восстановительный характер. П.С. Элькинд отмечает, что «в подавляющем большинстве нормы данной отрасли права обеспечиваются санкциями, предусматривающими меры восстановления законности, нарушенной противоправными действиями компетентных органов государства» [38, с. 91]. Подход П.С. Элькинда подчеркивает восстановительный аспект ответственности, что позволяет рассматривать ее как инструмент не только наказания, но и коррекции нарушений, обеспечивая тем самым непрерывность правового порядка в процессе и баланс интересов всех участников судопроизводства.

Ю.Э. Киль и В.А. Синицына предлагают определение процессуальной ответственности как «совокупности мер государственного принуждения, применяемых к лицу, совершившему правонарушение в сфере реализации процессуальных действий, назначаемая судом на основании материальных норм в порядке, определяемом процессуальными нормами с возможностью обжалования определения суда и обязательного его исполнения» [17, с. 90]. В рамках уголовного процесса это определение подчеркивает, что уголовно-процессуальная ответственность реализуется через меры принуждения, такие как привод или судебный штраф, которые направлены на восстановление

порядка судопроизводства и обеспечение правомерного поведения участников [17, с. 91-92]. Авторы отмечают, что отсутствие законодательного закрепления термина «процессуальная ответственность» в УПК РФ создает правовую неопределенность, что подтверждается разнотчтениями в правоприменительной практике [17, с. 87]. Определение Ю.Э. Киль и В.А. Синицыной акцентирует государственно-принудительный характер ответственности, систематизируя ее как правоотношение с возможностью обжалования, что подчеркивает принципы справедливости и правовой защиты, а также необходимость законодательного уточнения для устранения неопределенности и повышения единообразия применения мер.

Важным аспектом анализа является связь уголовно-процессуальной ответственности с процессуальным статусом участников, который включает не только права и обязанности, но и иные правовые институты, такие как гарантии и правосубъектность. В.К. Волобуева подчеркивает, что участники уголовного судопроизводства, указанные в п. 58 ст. 5 УПК РФ, наделяются не только правами, но и обязанностями, которые неразрывно связаны с реализацией этих прав, что определяет специфику их процессуальной ответственности [10, с. 97]. Исследователь отмечает, что перечень участников, предусмотренный главой 8 УПК РФ, является исчерпывающим, но их ответственность требует отдельного анализа ввиду пробелов в законодательном регулировании [10, с. 98]. Эта связь подчеркивает, что ответственность возникает в части конкретных процессуальных ролей, таких как обвиняемый, свидетель или следователь, каждая из которых предполагает определенные правовые ожидания и последствия за их нарушение.

С учетом тенденций гуманизации мер пресечения, сущность ответственности сдвигается к превентивным мерам, ограничивая применение заключения под стражу для уязвимых категорий, что усиливает роль процессуального статуса в определении санкций и обеспечивает более индивидуальный подход к участникам процесса.

С.В. Юмашев рассматривает уголовно-процессуальную ответственность как «существующее в форме уголовно-процессуального правоотношения применение в установленном законом порядке к лицу, совершившему уголовно-процессуальное правонарушение, мер уголовно-процессуального принуждения, предусмотренных санкцией уголовно-процессуальной нормы, которые заключаются в наложении на правонарушителя дополнительной обязанности или лишении (сужении объема) его субъективных прав» [40, с. 219].

В.А. Сорокин уточняет, что уголовно-процессуальная ответственность заключается в «реальном возложении на правонарушителя дополнительной уголовно-процессуальной обязанности, лишении его тех или иных уголовно-процессуальных прав или же и возложении дополнительной обязанности, и лишении соответствующих уголовно-процессуальных прав» [29, с. 334].

Т.А. Абашева определяет ее как «обязанность субъекта уголовного процесса перетерпеть предусмотренные уголовно-процессуальной нормой неблагоприятные последствия за допущенное уголовно-процессуальное правонарушение» [1, с. 22].

М.В. Галдин отмечает, что это разновидность юридической ответственности, предусмотренная нормами уголовно-процессуального права за невыполнение обязанностей в сфере уголовного судопроизводства [11, с. 68].

О.В. Левченко и Л.И. Ильницкая подчеркивают, что уголовно-процессуальная ответственность представляет собой «особое правовое состояние, в силу которого лицо обязано претерпевать определенные лишения государственно-принудительного характера за совершенное правонарушение» [25, с. 106]. Исследователи отмечают, что правовое состояние участников процесса создает юридическую возможность наступления ответственности, но само по себе не является ее признаком, так как присуще личности с момента рождения [25, с. 106].

О.А. Зеленина связывает уголовно-процессуальную ответственность с процессуальным статусом, включающим права, обязанности, гарантии и правосубъектность, подчеркивая ее роль в достижении целей судопроизводства через претерпевание негативных последствий, таких как изменение меры пресечения [15, с. 27-28].

П.А. Замазкина определяет уголовно-процессуальную ответственность как специфическую форму государственного принуждения, выражающуюся в применении к субъектам процессуальных правоотношений установленных законом санкций в случае неисполнения ими процессуальных обязанностей или злоупотребления правомочиями [14, с. 660]. Исследователь отмечает, что суть уголовно-процессуальной ответственности заключается в последствиях, претерпеваемых лицом за нарушение процессуальных норм, что направлено на обеспечение законности и эффективности юридического процесса [14, с. 660].

Н.А. Громов и С.А. Полунин определяют уголовно-процессуальную ответственность как «предусмотренное уголовно-процессуальной санкцией воздействие на нарушителя требований уголовно-процессуальной нормы, выражющее государственное осуждение противоправного поведения» [13, с. 47]. Этот подход акцентирует карательный и оценочный аспекты, связанные с государственным порицанием.

С.В. Красильников подчеркивает, что негативная форма ответственности основана на осуждении правонарушения, влекущего применение принудительных мер [23, с. 124]. Например, неявка свидетеля по вызову следователя без уважительных причин (ст. 113 УПК РФ) влечет применение привода, что иллюстрирует государственно-властный характер уголовно-процессуальной ответственности.

Такие определения подчеркивают многоаспектность института – от принуждения до осуждения, систематизируя его как правоотношение, направленное на обеспечение правопорядка, и указывают на необходимость учета негативных последствий для полного раскрытия сущности, что делает

ответственность не только реактивной, но и профилактической мерой в судопроизводстве.

Критический анализ указанных подходов позволяет дополнить понимание уголовно-процессуальной ответственности характеристиками ее субъектного состава. И. Камынин уточняет, что субъектный состав ограничен лицами с определенным процессуальным статусом, что разграничивает уголовно-процессуальную ответственность от административной или уголовной [16, с. 6-7]. Например, свидетель, не явившийся по вызову следователя без уважительных причин, подлежит приводу (ст. 113 УПК РФ), в отличие от лица, нарушающего порядок в судебном заседании, за что предусмотрена административная ответственность по ст. 17.3 КоАП РФ [21].

В.К. Волобуева подчеркивает, что свидетели, эксперты и переводчики могут нести уголовную ответственность по ст. 307, 310 УК РФ за ложные показания или разглашение данных расследования, но процессуальные меры для них недостаточно урегулированы [10, с. 98-99].

П.А. Замазкина отмечает, что субъектами могут быть не только участники процесса, но и иные лица, включая представителей СМИ, на что указывают постановления Верховного Суда РФ [14, с. 662].

Анализ субъектного состава систематизирует ответственность по ролям участников, подчеркивая ее отраслевую специфику и необходимость разграничения от других видов для логичного раскрытия темы, что позволяет избежать коллизий в правоприменении.

На наш взгляд, уголовно-процессуальная ответственность представляет собой не только реакцию на правонарушение, но и механизм, стимулирующий правомерное поведение участников процесса. Например, обязанность свидетеля явиться по вызову следователя (ст. 113 УПК РФ) подкрепляется угрозой привода, что иллюстрирует превентивный аспект ответственности. Отсутствие законодательного определения уголовно-процессуальной ответственности в УПК РФ создает правовую неопределенность, затрудняя единообразное правоприменение. Это подтверждается разнотчтениями в

доктрине и практикой, где меры принуждения, такие как привод или штраф, применяются несистемно, что снижает их эффективность.

Таким образом, уголовно-процессуальная ответственность характеризуется уникальными признаками, связанными с процессуальным статусом участников и целями судопроизводства. Ее анализ подчеркивает необходимость дальнейшего изучения ее места в системе юридической ответственности, что позволит глубже понять ее межотраслевые связи и самостоятельность.

1.2 Место уголовно-процессуальной ответственности в системе юридической ответственности

Уголовно-процессуальная ответственность занимает особое место в системе юридической ответственности, что обусловлено ее связью с публично-правовыми отношениями и спецификой уголовного судопроизводства. Ее анализ требует рассмотрения как доктринальных подходов, так и практических аспектов, связанных с применением норм различных отраслей права. Особое внимание необходимо уделить дискуссиям о самостоятельности данного института и его межотраслевом характере, что позволяет выявить его уникальные черты и проблемы нормативного регулирования.

Межотраслевой характер уголовно-процессуальной ответственности проявляется в ее связи с нормами других отраслей права. Статья 17.7 КоАП РФ предусматривает: «Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей; на должностных лиц – от двух тысяч до трех тысяч рублей либо дисквалификацию на срок от шести месяцев до одного года; на юридических лиц – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста

суток» [21]. Эта норма демонстрирует пересечение уголовно-процессуальной и административной ответственности.

Ю.Э. Киль и В.А. Синицына подчеркивают, что схожесть мер, таких как судебный штраф по ст. 117 УПК РФ и административный штраф по ст. 17.3 КоАП РФ, создает коллизии, приводящие к дублированию санкций за одно и то же нарушение, например, за неуважение к суду [17, с. 100-101]. Авторы ссылаются на решение Стародубского районного суда от 18 мая 2017 г., где одновременное привлечение лица к процессуальной и административной ответственности за одно нарушение было признано недопустимым [17, с. 101]. Это подчеркивает необходимость разграничения этих видов ответственности в законодательстве.

Анализ коллизий между УПК и КоАП обобщает межотраслевой характер ответственности, подчеркивая риски дублирования и необходимость законодательного разграничения для обеспечения единообразия, что особенно актуально в случаях, когда одно деяние может квалифицироваться по разным нормам.

В условиях последних изменений в УПК РФ, где расширено использование электронных документов, место уголовно-процессуальной ответственности усиливается в системе, так как новые формы нарушений требуют интеграции с административными нормами.

О.В. Левченко и Л.И. Ильницкая, напротив, настаивают на необходимости закрепления уголовно-процессуальной ответственности исключительно нормами УПК РФ, указывая на фрагментарность законодательства и противоречия в применении мер принуждения, таких как положения ч. 2 ст. 111, ч. 1 ст. 112 и ч. 1 ст. 113 УПК РФ [25, с. 107].

О.А. Зеленина отстаивает самостоятельность уголовно-процессуальной ответственности, подчеркивая, что отрасли права различаются не только по предмету и методу, но и по виду ответственности. Исследователь отмечает, что ее содержание может регулироваться нормами уголовного и

административного права, но если цель связана с уголовно-процессуальными отношениями, ответственность остается процессуальной [15, с. 28].

П.А. Замазкина поддерживает эту позицию, утверждая, что уголовно-процессуальная ответственность обладает специфическими чертами: реализацией в рамках процессуальных правоотношений, оформлением правоприменительным актом и целью обеспечения законности и эффективности юридического процесса [14, с. 659]. Она подчеркивает, что уголовно-процессуальная ответственность охватывает более широкий круг правонарушений и субъектный состав, включая юридические и должностные лица, чем административная ответственность по ст. 17.3 КоАП РФ, и выделяет ее как самостоятельный вид ответственности [14, с. 659-660].

Ю.Э. Киль и В.А. Синицына развивают этот подход, утверждая, что процессуальная ответственность, включая уголовно-процессуальную, отличается от административной по предмету, методу и характеру правонарушений, что подтверждается необходимостью применения мер, таких как предупреждение или привод, исключительно в рамках процессуальных отношений [17, с. 89-90].

Дискуссия о самостоятельности анализирует уголовно-процессуальную ответственность как уникальный институт, отличающийся по целям и методам, что позволяет раскрыть ее место в системе через акцент на специфике процессуальных отношений и необходимости избежания смешения с материальными видами ответственности.

Критический анализ указанных подходов подтверждает, что уголовно-процессуальная ответственность является самостоятельным институтом, отличающимся от других видов ответственности своей отраслевой спецификой и целями.

На наш взгляд, межотраслевой характер уголовно-процессуальной ответственности, проявляющийся в применении норм КоАП РФ и УК РФ, не умаляет ее уникальности, но подчеркивает необходимость четкого разграничения ее источников. Например, привлечение следователя к

уголовной ответственности за незаконное задержание (ст. 301 УК РФ) может быть отнесено к уголовно-процессуальной ответственности, если его цель заключается в обеспечении законности судопроизводства.

Фрагментарность норм УПК РФ создает правовую неопределенность, что подтверждается противоречиями в правоприменении, как указано в анализе Ю.Э. Киль и В.А. Синицыной [17, с. 100-101]. Систематизация норм уголовно-процессуальной ответственности в рамках УПК РФ позволила бы устранить эти недостатки и повысить эффективность ее реализации, что особенно важно в условиях высокой общественной опасности уголовно-процессуальных правонарушений.

Коллизии с административной ответственностью часто приводят к отменам решений, что подтверждает необходимость разграничения для укрепления места института в системе и обеспечения последовательности правоприменения.

Таким образом, уголовно-процессуальная ответственность представляет собой самостоятельный институт с уникальными чертами, но требует четкого разграничения от других видов ответственности для устранения коллизий. Это подводит к необходимости анализа ее правовой природы и функций.

1.3 Правовая природа и функции уголовно-процессуальной ответственности

Правовая природа уголовно-процессуальной ответственности определяется ее двойственным характером, включающим позитивные и негативные аспекты, а также ее функциональной направленностью на обеспечение законности и эффективности уголовного судопроизводства. Анализ данного института предполагает изучение его проявлений в процессуальных отношениях, а также функций, которые он выполняет в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел. Особое значение имеет рассмотрение дискуссий о соотношении позитивной и негативной

ответственности, а также проблем нормативного регулирования, что позволяет выявить пути совершенствования института. Изучение правовой природы уголовно-процессуальной ответственности требует акцента на ее роли как инструмента, обеспечивающего баланс между государственным принуждением и защитой прав участников процесса.

Г.Н. Ветрова рассматривает уголовно-процессуальную ответственность как «форму социальной ответственности в сфере уголовного судопроизводства», выделяя ее позитивный аспект, связанный с приобретением процессуального статуса, когда «лицо становится носителем процессуальной обязанности», и негативный, выражющийся в санкциях за неисполнение обязанностей [9, с. 49]. З.Ф. Коврига уточняет, что уголовно-процессуальная ответственность существует объективно, проявляясь в позитивной форме с момента вступления лица в процессуальные отношения, а в негативной – при совершении правонарушения, определяя ее как «необходимость действовать в интересах социалистического правосудия, используя права и выполняя обязанность, а также обязанность нести меры правового воздействия в случае недобросовестного поведения, правонарушения» [20, с. 54-55]. Д.А. Липинский подчеркивает, что «уголовно-процессуальная ответственность едина, но имеет две формы реализации: добровольную и государственно-принудительную», акцентируя ее связь с правосознанием [26, с. 350-351]. М.С. Стrogович придает уголовно-процессуальной ответственности социально-этическое измерение, характеризуя ее как «отношение лица к обществу и государству, к другим лицам с точки зрения выполнения предъявленных к лицу определенных социальных, политических, этических, юридических требований» [30, с. 72].

Эти подходы систематизируют природу ответственности как двойственную, объединяя позитивные и негативные аспекты, и подчеркивают ее социальную функцию, что позволяет раскрыть баланс форм реализации в контексте обеспечения этических и правовых стандартов судопроизводства.

Функциональная направленность уголовно-процессуальной ответственности проявляется в ее способности обеспечивать нормальный ход судопроизводства, предотвращать нарушения и восстанавливать нарушенный правопорядок. Например, применение судебного штрафа за неуважение к суду (ст. 117 УПК РФ) направлено не только на наказание, но и на восстановление авторитета правосудия. С.В. Юмашев выделяет три типа процессуальных норм, формирующих институт уголовно-процессуальной ответственности: регулятивные, устанавливающие права и обязанности; охранительные, предусматривающие последствия за нарушения, например, судебный штраф; и организационные, определяющие порядок применения санкций [40, с. 217]. Исследователь отмечает, что уголовно-процессуальная ответственность характеризуется императивным методом регулирования с элементами диспозитивности и не влечет последствий, аналогичных судимости [40, с. 218-219]. О.В. Левченко и Л.И. Ильницкая критикуют концепцию позитивной ответственности, считая, что она подменяет правомерное поведение, формируемое на основе правосознания, и акцентируют, что главная цель уголовно-процессуальной ответственности – обеспечение нормального хода расследования, а не только наказание [25, с. 107-108].

О.А. Зеленина подчеркивает, что уголовно-процессуальная ответственность существует как элемент процессуального статуса, реализуясь при нарушении обязанностей, например, в виде привода за неявку по вызову (ст. 113 УПК РФ), и выполняет предупредительную, воспитательную и компенсационную функции [15, с. 28-29]. Исследователь считает нецелесообразным закрепление термина «процессуальная ответственность» в УПК РФ, так как он является фундаментальным для теории права [15, с. 30]. П.А. Замазкина определяет процессуальное правонарушение как фактическое основание уголовно-процессуальной ответственности, характеризуя его как неисполнение или ненадлежащее исполнение процессуальных норм либо злоупотребление правомочиями, затрудняющее правосудие [14, с. 662]. Исследователь подчеркивает, что субъектами могут быть не только участники

процесса, но и иные лица, включая представителей СМИ, и что меры уголовно-процессуальной ответственности, такие как удаление из зала суда или судебный штраф, имеют правовосстановительный и обеспечительный характер [14, с. 662].

Т.Б. Гараева отмечает, что «меры процессуальной ответственности применяются за состоявшееся уголовно-процессуальное правонарушение в виде конкретных мер юридической ответственности, например: денежное взыскание, обращение залога в доход государства, предупреждение о недопустимости ненадлежащего поведения, удаление из зала судебного заседания» [12, с. 22].

Функции ответственности раскрыты как превентивные и восстановительные, что позволяет раскрыть природу через акцент на целях обеспечения судопроизводства, подчеркивая ее роль в поддержании баланса между принуждением и компенсацией ущерба.

С учетом тенденций цифровизации, функции ответственности расширяются на онлайн-сферу, где воспитательная роль проявляется в предупреждении нарушений через видеоконференц-связь, обеспечивая оперативность процесса без потери контроля.

Критический анализ позволяет выделить, что правовая природа уголовно-процессуальной ответственности заключается в ее двойственном характере, объединяющем превентивные и принудительные элементы. На наш взгляд, концепция позитивной ответственности не в полной мере соответствует юридической ответственности, так как лишена государственно-принудительного элемента. Основной функцией уголовно-процессуальной ответственности является обеспечение нормального хода уголовного судопроизводства, что достигается через правовосстановительные и превентивные меры, такие как предупреждение о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании. Проблема фрагментарности норм УПК РФ, регулирующих уголовно-процессуальную ответственность, создает риски правовой неопределенности. Например, отсутствие четких критериев

применения мер принуждения к должностным лицам, таким как следователи, приводит к отсутствию единообразия в судебной практике. Полагаем, что законодательное закрепление уголовно-процессуальной ответственности в УПК РФ необходимо для устранения этих недостатков и повышения эффективности ее реализации.

На наш взгляд, проблема законодательной неурегулированности правонарушений подтверждается отсутствием в УПК РФ четкого перечня правонарушений, что затрудняет их квалификацию. Например, неявка эксперта по вызову следователя (ст. 57 УПК РФ) может быть признана правонарушением, но критерии умысла остаются размытыми, что снижает эффективность правоприменения. Закрепление понятия уголовно-процессуального правонарушения в УПК РФ повысило бы единообразие правоприменения.

Функции ответственности включают гуманизацию, как в ограничении мер пресечения, что усиливает ее правовую природу как балансирующего механизма, обеспечивая защиту прав в динамичном правовом поле.

Таким образом, уголовно-процессуальная ответственность представляет собой комплексный правовой институт, объединяющий принудительные и восстановительные меры, направленные на обеспечение законности и правопорядка в уголовном судопроизводстве.

Представим выводы по первой главе проведённого исследования.

В работе раскрыто понятие и сущность уголовно-процессуальной ответственности как механизма государственного принуждения, связанного с процессуальным статусом участников и целями судопроизводства. Анализ доктринальных подходов и их критическая оценка показывают, что ответственность сочетает карательные, восстановительные и превентивные элементы, но страдает от правовой неопределенности из-за отсутствия законодательного определения. Это подчеркивает ее уникальность как института, стимулирующего правомерное поведение, и необходимость дальнейшего разграничения от других видов ответственности.

В рамках настоящего исследования определено место уголовно-процессуальной ответственности в системе юридической ответственности как самостоятельного института с межотраслевым характером, отличающегося от административной и уголовной по предмету, методу и целям. Дискуссии о самостоятельности и анализ коллизий с КоАП РФ и УК РФ выявляют проблемы фрагментарности регулирования, приводящие к противоречиям в практике. Вывод подчеркивает необходимость систематизации норм в УПК РФ для устранения дублирования санкций и повышения эффективности, особенно в контексте высокой общественной опасности нарушений.

Также исследована правовая природа и функции уголовно-процессуальной ответственности как двойственного института, объединяющего позитивные и негативные аспекты с акцентом на превентивную, воспитательную и компенсационную функции. Критический анализ концепций показывает предпочтительность негативной формы с государственно-принудительным элементом, а проблемы фрагментарности норм требуют законодательного закрепления.

Глава 2 Основания и меры уголовно-процессуальной ответственности

2.1 Уголовно-процессуальное правонарушение как основание ответственности

Уголовно-процессуальное правонарушение выступает юридическим и фактическим основанием наступления уголовно-процессуальной ответственности, определяя её отраслевую специфику. Анализ правонарушения как основания ответственности позволяет выявить его практическое значение и проблемы применения в судебной практике.

С.В. Юмашев подчёркивает, что правонарушение представляет собой действие или бездействие, нарушающее процессуальные нормы и препятствующее правосудию, например, неявка свидетеля по вызову (ст. 113 УПК РФ) или оскорбление участника процесса в судебном заседании [39, с. 222-223]. Он отмечает его дисциплинарный характер, отличая от общественно опасных деяний, свойственных уголовным или административным правонарушениям [39, с. 222]. Л.Т. Бакулина рассматривает правонарушения как нарушения процессуальных правил, которые могут быть умышленными или неосторожными, дифференцируя ответственность: государство несёт материальную ответственность, следователи – дисциплинарную, физические лица – административную [8, с. 216].

Т.В. Мычак определяет уголовно-процессуальное правонарушение как «противоправное (нарушающее нормы УПК РФ), запрещённое и наказуемое деяние вовлечённого в уголовный процесс участника судопроизводства, выраженное в неисполнении возложенных на него обязанностей, вызывающее применение к нарушителю мер процессуальной ответственности» [27, с. 27]. Т.В. Мычак подчёркивает, что основными признаками правонарушения являются противоправность, виновность, общественная вредность,

запрещённость деяния и деликтоспособность нарушителя, разделяя их на объективные (запрещённость, наказуемость) и субъективные (виновность, деликтоспособность), а также акцентирует внимание на том, что нарушение порядка в судебном заседании по своей природе является неисполнением процессуальных обязанностей, что указывает на недостаточную точность формулировки ст. 117 УПК РФ, где эти аспекты разделены. Исследователь также критикует бланкетный характер норм УПК РФ, отсылающих к процессуальным обязанностям, которые не всегда чётко закреплены в процессуальном статусе участников, что создаёт сложности в квалификации правонарушений [27, с. 27-28].

Т.В. Мычак отмечает, что отсутствие термина «правонарушение» в УПК РФ, как и термина «процессуальная ответственность», приводит к трудностям у правоприменителей в идентификации правонарушений и применении мер ответственности. Исследователь ссылается на ст. 54 Конституции РФ, которая требует, чтобы деяние признавалось правонарушением только при его закреплении в правовой норме, подчёркивая необходимость формальной определённости [27, с. 26]. По мнению исследователя, для устранения этой проблемы необходимо закрепить в УПК РФ перечень процессуальных обязанностей всех участников и детализировать механизм их исполнения. Кроме того, Т.В. Мычак считает, что меры ответственности, такие как денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ), предупреждение и удаление из зала суда (ст. 258 УПК РФ), должны применяться в обязательном порядке при установлении объективной стороны правонарушения и деликтоспособности субъекта, чтобы обеспечить принцип неотвратимости наказания [27, с. 28].

Определение и признаки по Т.В. Мычак систематизируют правонарушение как основание ответственности, подчеркивая его признаки и критикуя бланкетность норм, что требует законодательного уточнения для логичного раскрытия темы и повышения эффективности квалификации нарушений в практике.

Н.В. Ковалевская подчёркивает дискуссионность понятия уголовно-процессуального правонарушения, выделяя его специфические черты: особый объект посягательства – процессуальные правоотношения, специальный субъект – участник этих отношений, исключительная формальность составов и специфика противоправности [19, с. 96]. Н.В. Ковалевская определяет уголовно-процессуальное правонарушение как «совершенное умышленно или по неосторожности нарушение предписаний уголовно-процессуального законодательства одними участниками уголовного судопроизводства, повлекшее существенное нарушение законности и (или) прав и свобод других участников уголовного судопроизводства и влекущее предусмотренную законом ответственность» [19, с. 100]. Объектом правонарушения, по мнению Н.В. Ковалевской, являются права и законные интересы участников процесса, а также законная деятельность органов расследования, прокурора и суда, что вытекает из назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) [19, с. 97]. Н.В. Ковалевская отмечает, что субъектами могут быть не только участники процесса, но и иные лица, например, публика в зале суда, а также профессиональные участники, включая должностных лиц, осуществляющих производство по делу [19, с. 97].

Н.В. Ковалевская акцентирует различие между уголовно-процессуальным правонарушением и процессуальной ошибкой, подчёркивая, что ошибка обусловлена добросовестным заблуждением и не влечёт юридической ответственности, в отличие от правонарушения, которое характеризуется умышленным или неосторожным нарушением норм УПК РФ [19, с. 98-99]. Н.В. Ковалевская приводит пример из практики Центрального районного суда г. Оренбурга, где обвинительное заключение было составлено с нарушением требований УПК РФ (отсутствие ссылок на время, место, способ совершения преступления и нормативные акты), что свидетельствует о недобросовестном отношении следователя к обязанностям и квалифицируется как правонарушение [19, с. 99]. Н.В. Ковалевская также выделяет объективные причины правонарушений, такие как отсутствие практики применения новых

норм, сложность толкования бланкетных положений и противодействие участников процесса, и субъективные – низкий уровень правовой подготовки и правосознания должностных лиц [19, с. 98-99]. Исследователь подчёркивает, что уголовно-процессуальное правонарушение является формой нарушения законности, выражая философскую категорию соотношения формы и содержания, где содержание – нарушение закона, а форма – само правонарушение [19, с. 99-100].

Подход Н.В. Ковалевской раскрывает правонарушение через его черты и различие с ошибкой, подчеркивая причины и объект, что позволяет раскрыть основание ответственности через акцент на формальности составов и необходимости учета как объективных, так и субъективных факторов для точной квалификации в практике.

В условиях цифровизации, правонарушение как основание расширяется на онлайн-действия, что требует обновления перечня нарушений для адекватного реагирования на новые формы, такие как несоблюдение протокола в видеоконференц-связи.

На наш взгляд, отсутствие в УПК РФ чёткого перечня уголовно-процессуальных правонарушений создаёт правовую неопределённость. Например, неявка эксперта по вызову следователя (ст. 57 УПК РФ) может быть квалифицирована как правонарушение, но отсутствие критериев умысла затрудняет применение мер ответственности. Позиция Н.В. Ковалевской о различии правонарушения и ошибки подчёркивает необходимость чёткого разграничения этих категорий в законодательстве, чтобы избежать смешения в правоприменении. Её акцент на объективных и субъективных причинах правонарушений дополняет анализ Т.В. Мычак, указывая на системные проблемы, такие как недостаточная профессиональная подготовка должностных лиц, что требует законодательных и организационных мер, включая обучение и разработку методических рекомендаций. Однако включение Н.В. Ковалевской должностных лиц в субъектный состав правонарушений противоречит позиции Т.В. Мычак, что

подчёркивает дискуссионность вопроса о привлечении следователей и судей к процессуальной ответственности. Законодательное закрепление перечня правонарушений и детализация процессуальных обязанностей участников, на наш взгляд, повысило бы единообразие правоприменения и эффективность института.

Рассмотрение уголовно-процессуального правонарушения как основания ответственности подчёркивает его центральную роль, что требует анализа системы мер, применяемых за такие правонарушения, для понимания их правовой природы и эффективности.

2.2 Система мер уголовно-процессуальной ответственности

Система мер уголовно-процессуальной ответственности представляет собой совокупность правовых инструментов, направленных на обеспечение соблюдения процессуальных норм и восстановление правопорядка в уголовном судопроизводстве. Анализ этой системы позволяет раскрыть её структуру, классификацию мер и их функциональную направленность, что имеет значение для теоретического осмысления и практического применения.

Институт уголовно-процессуальной ответственности имеет многоуровневую нормативную основу, начиная с конституционных положений и заканчивая ведомственными приказами. Основополагающим документом, регламентирующим принципы юридической ответственности в уголовном процессе, является Конституция Российской Федерации, которая в статье 15 закрепляет: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы» [22]. Данная конституционная норма устанавливает фундаментальную обязанность соблюдения законности, нарушение которой влечёт соответствующую ответственность, в том числе в уголовно-процессуальной сфере. Эта норма не только подчеркивает всеобщность юридической ответственности, но и

обосновывает ее применение в процессуальных отношениях, где нарушения могут подрывать принципы справедливости и равенства перед законом, что особенно актуально в условиях усиления правовой защиты участников судопроизводства. Переходя к специфике отраслевого регулирования, следует отметить, что конституционные принципы служат основой для дифференциации видов ответственности, включая уголовно-процессуальную, которая ориентирована на поддержание процессуальной дисциплины без элементов карательности, характерных для уголовной ответственности.

Центральное место в нормативном регулировании занимает УПК РФ, устанавливающий различные формы ответственности за нарушение процессуальных обязанностей. УПК РФ предусматривает комплекс мер процессуального принуждения, являющихся проявлением уголовно-процессуальной ответственности. Статья 111 УПК РФ устанавливает: «В целях обеспечения установленного настоящим Кодексом порядка уголовного судопроизводства, надлежащего исполнения приговора дознаватель, следователь или суд вправе применить к подозреваемому или обвиняемому следующие меры процессуального принуждения: 1) обязательство о явке; 2) привод; 3) временное отстранение от должности; 4) наложение ареста на имущество. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, дознаватель, следователь или суд вправе применить к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому следующие меры процессуального принуждения: 1) обязательство о явке; 2) привод; 3) денежное взыскание» [33]. Эти меры иллюстрируют многообразие инструментов уголовно-процессуальной ответственности, которые могут быть карательными, превентивными или правовосстановительными в зависимости от их цели и субъектного состава.

Особого внимания заслуживает Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», который устанавливает ответственность прокурорских работников за нарушения в ходе

осуществления уголовно-процессуальной деятельности. В статье 41.7 закона указано: «За неисполнение или ненадлежащее исполнение работниками своих служебных обязанностей и совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника, руководители органов и организаций прокуратуры имеют право налагать на них следующие дисциплинарные взыскания: замечание; выговор; строгий выговор; понижение в классном чине; лишение нагрудного знака «За безупречную службу в прокуратуре Российской Федерации»; лишение нагрудного знака «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации»; предупреждение о неполном служебном соответствии; увольнение из органов прокуратуры» [35]. Эти меры представляют собой специфическую форму уголовно-процессуальной ответственности должностных лиц, реализующих функции уголовного преследования. Анализ этой нормы позволяет заключить, что дисциплинарные взыскания направлены на оперативное восстановление правопорядка в процессуальной деятельности, предотвращая эскалацию нарушений до уровня административной или уголовной ответственности, и тем самым обеспечивая непрерывность судопроизводства.

Не менее значимым является Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который в статье 50 устанавливает: «На сотрудника органов внутренних дел в случае нарушения им служебной дисциплины, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, могут налагаться следующие дисциплинарные взыскания: 1) замечание; 2) выговор; 3) строгий выговор; 4) предупреждение о неполном служебном соответствии; 5) перевод на нижестоящую должность в органах внутренних дел; 6) увольнение со службы в органах внутренних дел» [36].

Данные положения формируют нормативную основу дисциплинарной ответственности сотрудников, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность.

Такая градация взысканий обоснована необходимостью пропорционального реагирования на нарушения, от легких форм, таких как замечание, до крайних, как увольнение, что способствует поддержанию внутренней дисциплины и предотвращению системных сбоев в расследовании дел. Это нормативное регулирование подчеркивает межотраслевой характер ответственности, где дисциплинарные меры дополняют процессуальные, но их фрагментарность порождает пробелы в единообразии применения.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 (в ред. от 29.06.2021) имеет значение и в части уголовно-процессуальной ответственности, так как устанавливает, что государство может нести ответственность в виде компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок. Это относится к случаям затягивания досудебного производства, приостановления расследования без установления обвиняемого, а также необоснованного ареста имущества. Хотя компенсация не является уголовным наказанием, она выступает как форма процессуальной ответственности государства за нарушение процессуальных прав участников уголовного процесса, подчеркивая обязанность органов дознания, следствия и суда соблюдать разумные сроки на всех стадиях уголовного судопроизводства [28]. Из этого следует, что компенсация служит механизмом восстановления нарушенных прав, обосновывая ее как элемент уголовно-процессуальной ответственности, направленный на стимулирование оперативности органов власти и минимизацию вреда для участников процесса.

Ю.Э. Киль и В.А. Синицына выделяют основные меры процессуального принуждения, включая предупреждение, удаление из зала судебного заседания, судебный штраф и привод, подчеркивая их принадлежность к процессуальной ответственности благодаря государственно-принудительному характеру и применению в рамках процессуальных отношений [17, с. 91]. Например, предупреждение, предусмотренное ст. 258 УПК РФ, фиксируется в протоколе судебного заседания и направлено на восстановление порядка в судопроизводстве [17, с. 93]. Удаление из зала судебного заседания (ст. 258

УПК РФ) применяется при повторном нарушении порядка после предупреждения, ограничивая право лица участвовать в заседании, что подчеркивает карательный и превентивный аспекты [17, с. 94-95]. Судебный штраф (ст. 117 УПК РФ) рассматривается как мера, схожая с административной ответственностью, но отличающаяся по цели – обеспечению процессуального порядка, а не наказанию за общественно опасное деяние [17, с. 96-97]. Привод (ст. 113 УПК РФ) применяется за неявку без уважительных причин и направлен на обеспечение явки участников процесса [17, с. 102-104]. Меры структурированы по характеру и целям, подчеркивая их процессуальную специфику и необходимость разграничения от административных для логичного анализа системы, что позволяет избежать коллизий.

Е.В. Чуклова определяет уголовно-процессуальную ответственность как «обязанность участников процесса действовать правомерно и нести неблагоприятные последствия за правонарушения» [37, с. 64]. Е.В. Чуклова систематизирует меры ответственности, включая обращение залога в доход государства, денежное взыскание, изменение меры пресечения, предупреждение, удаление из зала суда и отстранение законного представителя. Е.В. Чуклова подчёркивает, что «не все принудительные меры являются мерами ответственности, так как некоторые относятся к превенции или защите» [37, с. 64]. Например, обязательство о явке (ст. 112 УПК РФ) может быть превентивной мерой, но при его нарушении становится мерой ответственности, влекущей привод или штраф. Позиция Е.В. Чуклова о невозможности привлечения судьи к уголовно-процессуальной ответственности вызывает дискуссию о пределах ответственности должностных лиц.

З.Ф. Коврига предлагает классификацию санкций на поощрительные, правовосстановительные, карательные и имущественные [20, с. 47-48]. Эта классификация подчёркивает многофункциональность уголовно-

процессуальной ответственности, которая не ограничивается наказанием, но включает восстановление прав и предупреждение нарушений.

В.М. Ковалев акцентирует карательный аспект, утверждая: «Уголовно-процессуальная ответственность выражается в применении лишь штрафных (карательных) санкций к конкретному правонарушителю и поэтому носит сугубо персонифицированный характер» [18, с. 139]. На наш взгляд, такой подход излишне сужает понимание института, игнорируя его правовосстановительные функции. Например, арест имущества (ст. 115 УПК РФ) может быть направлен на обеспечение гражданского иска, а не только на наказание.

С.В. Юмашев подчёркивает, что меры уголовно-процессуальной ответственности, такие как судебный штраф, применяются за правонарушения, предусмотренные ст. 117 УПК РФ, например, за неисполнение процессуальных обязанностей или нарушение порядка в судебном заседании [39, с. 221]. С.В. Юмашев отмечает, что, в отличие от гражданского и арбитражного процессов, где неявка в судебное заседание рассматривается как право сторон при условии уведомления суда, в уголовном процессе неявка расценивается как грубое нарушение, влекущее привод [39, с. 221]. Эта особенность подчёркивает строгость уголовно-процессуального регулирования, но вызывает вопросы о соразмерности мер, особенно в отношении участников с ограниченной деликтоспособностью, таких как несовершеннолетние.

Классификации и акценты на функциях систематизируют систему мер, подчеркивая их многофункциональность и различия с другими процессами, что позволяет раскрыть тему через анализ соразмерности и необходимость индивидуального подхода к субъектам.

С учетом тенденций гуманизации, система мер ограничивает применение заключения под стражу, усиливая превентивные инструменты, такие как электронный мониторинг, что делает систему более гибкой и ориентированной на защиту прав.

На наш взгляд, система мер уголовно-процессуальной ответственности, как подчёркивают Ю.Э. Киль и В.А. Синицына, должна быть дополнена чёткими критериями их применения, чтобы исключить коллизии с административной ответственностью и обеспечить единообразие правоприменения [17, с. 106-107]. Например, судебный штраф по ст. 117 УПК РФ требует разграничения от административного штрафа по ст. 17.3 КоАП РФ, чтобы избежать дублирования санкций за одно нарушение.

Меры принуждения часто отменяются из-за несоразмерности, что подтверждает необходимость критериев для повышения эффективности и соблюдения принципа пропорциональности.

Рассмотрение системы мер уголовно-процессуальной ответственности подчёркивает их разнообразие и функциональность, что требует анализа процессуального порядка их применения для понимания механизмов реализации института.

2.3 Процессуальный порядок применения мер уголовно-процессуальной ответственности

Процессуальный порядок применения мер уголовно-процессуальной ответственности представляет собой совокупность процедур, закреплённых в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) и иных нормативных правовых актах, обеспечивающих законность и обоснованность применения мер принуждения к участникам уголовного судопроизводства. Этот порядок направлен на поддержание правопорядка в процессе расследования и судебного разбирательства, а также на защиту прав и законных интересов участников.

Анализ процессуального порядка позволяет выявить механизмы реализации мер уголовно-процессуальной ответственности, таких как денежное взыскание, предупреждение, удаление из зала суда и привод, а также

их роль в достижении целей уголовного судопроизводства, закреплённых в ст. 6 УПК РФ [33].

Основным нормативным актом, регулирующим порядок применения мер уголовно-процессуальной ответственности, является УПК РФ. Статья 117 УПК РФ устанавливает, что «в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом, а также нарушения ими порядка в судебном заседании на них может быть наложено денежное взыскание в размере до двух тысяч пятисот рублей в порядке, установленном статьёй 118 настоящего Кодекса» [33].

Статья 118 УПК РФ детализирует процедуру наложения денежного взыскания, требуя вынесения мотивированного постановления суда, следователя или дознавателя, а также предоставления участнику правадать объяснения по факту нарушения [33]. Это подчёркивает необходимость соблюдения процессуальных гарантий, включая право на защиту и обжалование.

С.В. Юмашев подчёркивает, что наложение судебного штрафа за неисполнение процессуальных обязанностей или нарушение порядка в судебном заседании является типичной мерой уголовно-процессуальной ответственности, подчёркивая её карательный характер [39, с. 221]. Например, штраф за неуважение к суду (ст. 117 УПК РФ) демонстрирует карательный аспект, но его применение требует строгого соблюдения процессуальных норм, таких как надлежащее уведомление.

Предупреждение за нарушение порядка в судебном заседании регламентируется ст. 258 УПК РФ, согласно которой «при нарушении порядка в судебном заседании или неподчинении распоряжениям председательствующего лица, участвующие в деле, а также иные лица, присутствующие в зале судебного заседания, предупреждаются о недопустимости такого поведения» [33]. Повторное нарушение может повлечь удаление из зала суда, что фиксируется в протоколе судебного заседания [33].

Привод, предусмотренный ст. 113 УПК РФ, применяется к свидетелям, потерпевшим, подозреваемым или обвиняемым за неявку без уважительных причин и осуществляется органами дознания или судебными приставами на основании постановления [33].

Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ввёл возможность направления повесток и уведомлений в форме электронного документа через Единый портал государственных услуг при согласии участника процесса [34].

Эта норма, вступившая в силу с 1 января 2024 года, упрощает процедуру извещения, но требует обеспечения доступа участников к цифровым системам и их информирования о последствиях неявки [34].

Использование видеоконференц-связи (ВКС) по ст. 474.1 УПК РФ позволяет минимизировать случаи неявки, но требует строгого соблюдения порядка уведомления и разъяснения ответственности за нарушения в ходе ВКС [33].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) также регулирует меры, пересекающиеся с уголовно-процессуальной ответственностью.

Статья 17.3 КоАП РФ предусматривает, что «неисполнение распоряжения судьи или судебного пристава о прекращении действий, нарушающих установленные в суде правила, влечёт наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток» [21]. Статья 17.7 КоАП РФ устанавливает ответственность за умышленное невыполнение требований прокурора, следователя или дознавателя, включая штрафы и дисквалификацию [21].

Эти нормы подчёркивают необходимость разграничения уголовно-процессуальных и административных мер для исключения дублирования санкций.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 (в ред. от 29.06.2021) указывает, что нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства может повлечь компенсацию за счёт государства, что является формой процессуальной ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей органами дознания, следствия или суда [28]. Это положение акцентирует восстановительный аспект ответственности, направленный на защиту прав участников процесса.

Порядок применения мер через ВКС требует дополнительной мотивировки, чтобы избежать нарушений прав на защиту, что усиливает гарантии в цифровой среде.

Таким образом, процессуальный порядок применения мер уголовно-процессуальной ответственности, закреплённый в УПК РФ, КоАП РФ и иных НПА, обеспечивает баланс между принуждением и защитой прав участников уголовного судопроизводства. Нормы ст. 117, 118, 258, 113 и 474.1 УПК РФ, а также Федеральный закон № 672-ФЗ, устанавливают процедуры наложения денежного взыскания, предупреждения, удаления из зала суда и привода, требуя строгого соблюдения мотивировки, уведомления и права на обжалование. Научные исследования подтверждают, что чёткое нормативное регулирование и использование современных технологий, таких как ВКС и электронные уведомления, повышают эффективность процессуального порядка. Дальнейший анализ этого порядка необходим для совершенствования правоприменения и устранения пробелов в законодательстве.

Порядок применения мер гуманизирован, ограничивая заключение под стражу, что усиливает роль альтернативных процедур, таких как электронный контроль, для баланса эффективности и прав защиты.

Представим выводы по второй главе проведённого исследования.

В работе проанализировано уголовно-процессуальное правонарушение как основание ответственности, характеризуемое противоправностью, виновностью и вредностью, с акцентом на различие от ошибки. Доктринальные подходы и практика показывают проблемы бланкетности норм

и отсутствия перечня нарушений, что снижает эффективность. Подчеркнута необходимость законодательного закрепления перечня и критериев вины для единства квалификации, особенно в цифровой среде.

Также изучена система мер как совокупность принудительных инструментов, классифицированных по функциям (карательные, превентивные, восстановительные). Анализ мер и их различий от административных выявляет коллизии и несоразмерность. Вывод систематизирует меры как многофункциональные, требующие критериев применения для устранения дублирования и усиления гуманизации.

В рамках исследования раскрыт процессуальный порядок как процедуры, обеспечивающие законность применения мер, с акцентом на гарантии и цифровые инструменты. Нормативный анализ и практика подчеркивают необходимость мотивировки и уведомлений. Сделан вывод о важности баланса между принуждением и защитой, а также расширения технологий для повышения эффективности и устранения пробелов.

Глава 3 Проблемы и перспективы развития института уголовно-процессуальной ответственности

3.1 Проблемы правового регулирования уголовно-процессуальной ответственности в современном законодательстве

Анализ проблем правового регулирования уголовно-процессуальной ответственности в современном законодательстве требует комплексного подхода, учитывающего как нормативные пробелы, так и их проявления в судебной практике. Фрагментарность норм УПК РФ, отсутствие четких определений ключевых понятий и коллизии с другими отраслями права создают основу для неоднородного правоприменения, что снижает эффективность института в обеспечении процессуальной дисциплины. Эти недостатки особенно актуальны в условиях цифровизации судопроизводства, где новые формы взаимодействия требуют адаптации мер ответственности для предотвращения нарушений без ущерба для принципов справедливости и оперативности. Переход к анализу судебной практики позволяет иллюстрировать, как эти нормативные положения реализуются на деле, раскрывая практические проблемы регулирования.

Анализ современной судебной практики выявляет системные проблемы применения мер уголовно-процессуальной ответственности. Основные группы недостатков включают недостаточную мотивировку судебных решений, несоблюдение процессуальных гарантii и ограниченное использование альтернативных мер обеспечения явки участников процесса, таких как современные технологии.

М.В. Лапатников подчеркивает, что отсутствие единообразия применения мер процессуального принуждения (привод, денежное взыскание, арест имущества) обусловлено отсутствием четких нормативных критериев в УПК РФ, что создает риски нарушения прав участников, включая презумпцию невиновности [24, с. 147]. Это способствует субъективизму в решениях,

ослабляет превентивную функцию ответственности и снижает доверие к процессу, стимулируя апелляции и затягивая судопроизводство. Смешение процессуальных мер с уголовными санкциями размывает границы ответственности, что приводит к коллизиям в практике и требует доктринального разграничения для укрепления института как самостоятельного механизма обеспечения законности.

П.Л. Сурихин и Л.А. Попова отмечают, что чрезмерная формализация доказывания в УПК РФ, отказ от установления объективной истины и избыточные требования к соблюдению прав человека усложняют процессуальные процедуры, снижают раскрываемость преступлений и ослабляют неотвратимость ответственности [31, с. 73-74]. Это затрудняет привлечение должностных лиц за процессуальные нарушения и подчеркивает необходимость баланса между правами участников и эффективностью процесса.

Ю.Э. Киль и В.А. Синицына указывают на коллизии между процессуальной и административной ответственностью, особенно в применении штрафов, что приводит к дублированию санкций и правовой неопределенности [17, с. 100-101]. Такие коллизии снижают мотивацию к соблюдению норм и требуют законодательной унификации для повышения правовой определенности и дисциплины.

Проблемы правового регулирования также проявляются в несовершенстве механизмов учета индивидуальных обстоятельств участников, что усугубляет риски нарушения принципа гуманности в судопроизводстве. В частности, отсутствие обязательных норм по оценке здоровья или материального положения при применении мер, таких как отстранение от должности, приводит к диспропорциям, как видно из анализа практики. Это подчеркивает необходимость интеграции гуманитарных факторов в нормативные критерии для баланса между публичными интересами и защитой личности.

Кроме того, цифровизация усиливает эти проблемы, поскольку электронные уведомления, предусмотренные ФЗ № 672-ФЗ, не всегда обеспечивают равный доступ, что создает дополнительные барьеры для уязвимых категорий участников и требует уточнения в УПК РФ для предотвращения дискриминации.

Судебная практика подтверждает указанные проблемы и выявляет дополнительные аспекты, требующие внимания. В деле, рассмотренном Оренбургским областным судом 20 августа 2024 года по делу [3], Кувандыкский районный суд наложил на свидетеля ФИО1 денежное взыскание в размере 2000 рублей за неявку в судебное заседание по уголовному делу по п. «г» ч. 7 ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп с вымогательством). Суд первой инстанции счёл, что возвращение повестки с отметкой об истечении срока хранения свидетельствует о надлежащем извещении (ст. 113 УПК РФ), а неявка квалифицируется как правонарушение, препятствующее судопроизводству. Свидетель обжаловал решение, указав на отсутствие заблаговременного уведомления, семейные обстоятельства (уход за больным родственником) и игнорирование судом его материального положения. Также было отмечено, что процессуальные права и обязанности не разъяснялись, что нарушило ст. 118 УПК РФ, требующую предоставления возможности дать объяснения. Оренбургский областной суд отменил постановление, установив отсутствие доказательств получения повестки и ненадлежащий характер телефонного извещения за два часа до заседания. Суд подчеркнул, что вина свидетеля в умышленном уклонении не доказана, а нарушение процедуры извещения и отсутствие разъяснения прав подтверждают несоблюдение процессуальных гарантий.

Этот случай иллюстрирует проблему несоблюдения процессуальных норм, таких как надлежащее извещение и право на объяснения, и подчёркивает правовую неопределённость из-за отсутствия чётких критериев умышленности правонарушения, как указано в работах Н.В. Ковалевской [19, с. 100]. Позиция Н.В. Ковалевской о критериях вины обогащает анализ

дела, подчеркивая, что отсутствие доказательств умысла не только аннулирует меру, но и подрывает принцип справедливости, обосновывая необходимость включения таких критериев в УПК РФ для предотвращения аналогичных ошибок и укрепления доверия к системе. Обоснование отмены решения в этом деле подчеркивает, что игнорирование личных обстоятельств свидетеля не только нарушает принципы гуманности, но и снижает доверие к судебной системе, требуя более детализированного регулирования уведомлений для предотвращения подобных коллизий.

В деле Камчатского краевого суда от 23 июля 2024 года по делу [4], Петропавловск-Камчатский городской суд вернул уголовное дело по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ (управление автомобилем в состоянии опьянения лицом, ранее подвергнутым административному наказанию) прокурору на основании ст. 237 УПК РФ из-за неявки подсудимого ФИО1. Подсудимый, зная о заседании, покинул город и ходатайствовал о рассмотрении дела в его отсутствие, что противоречило правилам сокращённой формы дознания (ч. 5 ст. 226.9 УПК РФ). Суд расценил неявку как правонарушение, препятствующее правосудию. Адвокат обжаловал решение, указав на возможность применения привода (ст. 113 УПК РФ), видеоконференц-связи (ст. 474.1 УПК РФ) или приостановления дела (ст. 238 УПК РФ), что позволило бы сохранить право подсудимого на льготы особого порядка (гл. 32.1 УПК РФ). Камчатский краевой суд отменил постановление, установив, что суд первой инстанции не исчерпал альтернативные меры обеспечения явки, что нарушило ст. 237 УПК РФ.

Данный пример подчёркивает проблему недостаточного использования современных технологий, таких как ВКС, и подтверждает необходимость исчерпания менее радикальных мер перед применением возврата дела, акцентируя защитную функцию уголовно-процессуальной ответственности. Такое решение суда обосновано принципом экономии процессуальных ресурсов, где альтернативные меры, как ВКС, позволяют избежать затягивания

дела и обеспечить права подсудимого на скорое правосудие, подчеркивая эволюцию практики в сторону цифровизации.

Проблема недостаточной мотивировки судебных решений отражена в деле Верховного Суда Республики Дагестан от 28 марта 2024 года по делу [6]. В уголовном деле по ч. 4 ст. 159.2 УК РФ (мошенничество при получении выплат) следователь ходатайствовал о наложении ареста на квартиру и автомобиль, зарегистрированные на родственников подозреваемого ФИО2, по ст. 115 УПК РФ для обеспечения гражданского иска и возможной конфискации. Буйнакский городской суд удовлетворил ходатайство, но не предоставил мотивировку и не известил собственников имущества, что противоречило ст. 115 и ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Адвокат обжаловал решение, указав, что имущество не связано с преступлением, а собственники, не являющиеся подозреваемыми, не были уведомлены. Верховный Суд РД отменил постановление, установив отсутствие доказательств связи имущества с преступлением, не учёт правоустанавливающих документов (наследование квартиры) и нарушение права собственников на извещение.

Представленный пример демонстрирует защитную функцию уголовно-процессуальной ответственности, предотвращающую необоснованное ограничение прав третьих лиц, и подчёркивает проблему недостаточной мотивировки и несоблюдения процессуальных гарантий, о чём говорят Ю.Э. Киль и В.А. Синицына [17, с. 100-101]. Отсутствие мотивировки не только нарушает гарантии, но и усиливает коллизии, требуя строгого нормативного контроля для систематизации практики и предотвращения произвола. Отмена ареста в этом деле обоснована принципом пропорциональности, где отсутствие мотивировки нарушает конституционное право на собственность, требуя от правоприменителей более тщательного обоснования для баланса интересов потерпевших и третьих лиц.

В деле Томского областного суда от 26 августа 2024 года по делу [5], следователь в рамках уголовного дела по п. «б» ч. 3 ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп) ходатайствовал о временном отстранении обвиняемой

П. от должности на основании ст. 114 УПК РФ, мотивируя это риском давления на свидетелей из-за её руководящей должности и связей в правоохранительных органах. Кировский районный суд г. Томска удовлетворил ходатайство, назначив П. пособие в размере прожиточного минимума (п. 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ). Обвиняемая обжаловала решение, указав на рассмотрение ходатайства в её отсутствие, недостаточную мотивировку и игнорирование состояния здоровья. Адвокат утверждал, что доказательства попыток давления отсутствуют, а мера несоразмерна. Томский областной суд отклонил жалобу, подтвердив, что ходатайство подано с согласия руководителя следственного органа, адвокат представлял интересы П., а её заболевание не препятствовало участию. Суд счёл мотивировку достаточной, а назначение пособия – мерой, обеспечивающей баланс интересов.

Этот пример иллюстрирует превентивную и восстановительную функции уголовно-процессуальной ответственности, но жалоба П. выявляет проблему недостаточного учёта личных обстоятельств.

Игнорирование обстоятельств не только нарушает гуманность, но и снижает эффективность мер, поскольку несоразмерность провоцирует апелляции и подрывает авторитет суда. Решение о сохранении отстранения обосновано риском для расследования, но игнорирование здоровья обвиняемой подчеркивает необходимость учета гуманитарных факторов для предотвращения дискrimинации уязвимых групп.

Аналогичная проблема возникла в деле Московского областного суда от 13 августа 2024 года по делу [2]. В уголовном деле по ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество в особо крупном размере) следователь ходатайствовал о временном отстранении подозреваемого Г., председателя ТСН «СНТ «Нива», от должности на основании ст. 114 УПК РФ, мотивируя это риском влияния на свидетелей из-за его должностного положения и тяжести преступления (мошенничество с подложными документами на сумму свыше 1 млн рублей). Химкинский городской суд удовлетворил ходатайство, назначив Г. пособие в размере прожиточного минимума. Адвокат Г. обжаловал решение, указав на

отсутствие доказательств влияния на следствие, изъятие всех документов ТСН и нарушение права на труд. Московский областной суд оставил решение без изменения, установив, что ходатайство подано с соблюдением процессуальных требований, статус Г. как подозреваемого подтверждён, а его должность создаёт реальную угрозу для расследования.

Рассмотренный пример подчёркивает превентивную функцию меры, но жалоба адвоката выявляет проблему недостаточной конкретизации доказательств риска. Формализация не только усложняет процесс, но и ослабляет доказательственную базу, требуя реформы для усиления объективности и минимизации ошибок в квалификации рисков.

Коллизии с административной ответственностью, как в случаях дублирования штрафов, усугубляют проблемы регулирования, поскольку отсутствие разграничения приводит к двойной ответственности за одно деяние. Суды часто аннулируют меры из-за пересечения норм УПК и КоАП РФ, что снижает мотивацию к соблюдению и требует унификации. Кроме того, в условиях гуманизации процесса, игнорирование уязвимых категорий, таких как несовершеннолетние или лица с ограниченными возможностями, усиливает диспропорции, подчеркивая необходимость специальных норм для индивидуального подхода.

В деле Верховного Суда Республики Крым от 28 марта 2024 года по делу [7], Киевский районный суд г. Симферополя наложил арест на автомобиль обвиняемого ФИО6 по ст. 115 УПК РФ в рамках уголовного дела по п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий из личной заинтересованности) для обеспечения гражданского иска. Арест сопровождался запретом на отчуждение имущества. Адвокат обжаловал решение, указав на отсутствие указания срока ареста, необоснованность гражданского иска, проведение закрытого заседания и недостаточную проверку статуса потерпевшего. Верховный Суд РК оставил постановление без изменения, установив, что ходатайство подано с согласия руководителя следственного органа, арест соразмерен сумме иска, а закрытое заседание

оправдано тайной следствия (ч. 2 ст. 241 УПК РФ). Довод о сроке ареста был отклонён, так как ст. 115 УПК РФ не требует его указания для имущества обвиняемого.

Этот пример иллюстрирует публично-правовую функцию уголовно-процессуальной ответственности, обеспечивающую интересы потерпевшего, но спор о сроке ареста выявляет правовую неопределенность. Неопределенность сроков не только создает риски злоупотреблений, но и противоречит принципу разумных сроков, требуя дополнения ст. 115 УПК РФ для баланса интересов и предотвращения затяжных ограничений.

Таким образом, судебная практика по уголовно-процессуальной ответственности стремится к балансу между превентивной и защитной функциями мер принуждения, но требует дальнейших улучшений для устранения выявленных пробелов. Ю.Э. Киль и В.А. Синицына приводят пример решения Стародубского районного суда от 18 мая 2017 г., где суд признал недопустимость одновременного применения судебного штрафа по ст. 117 УПК РФ и административного штрафа по ст. 17.3 КоАП РФ за одно нарушение, что подчеркивает проблему коллизий между процессуальной и административной ответственностью [17, с. 100-101].

Представленный исследователями пример систематизирует коллизии как источник несправедливости, подчеркивая, что их разрешение через судебные решения временно, но требует законодательных изменений для полного устранения дублирования и укрепления единообразия.

Во всех рассмотренных случаях судебная практика демонстрирует необходимость соблюдения принципов законности, мотивированности и соразмерности, закрепленных в ст. 7 УПК РФ, что обеспечивает единообразие правоприменения и защиту прав участников уголовного судопроизводства. Этот баланс обоснован необходимостью предотвращения злоупотреблений властью, где превентивные меры, такие как отстранение, служат защитой процесса, а защитные функции гарантируют права на обжалование, подчеркивая эволюцию практики в сторону гуманизации.

Таким образом, проблемы правового регулирования, включая неопределенность норм, недостаток мотивировки и коллизии, полностью раскрывают тему параграфа, подчеркивая необходимость комплексного совершенствования для повышения эффективности института и обеспечения законности в судопроизводстве.

3.2 Пути совершенствования института уголовно-процессуальной ответственности

Критический анализ научной литературы и судебной практики позволяет сформулировать понимание уголовно-процессуальной ответственности как комплексного правового института, обладающего следующими сущностными характеристиками: установление нормами уголовно-процессуального права; наступление за совершение уголовно-процессуального правонарушения; существование в форме правоотношения; применение к субъектам уголовного процесса; выполнение превентивной, воспитательной и компенсационной функций.

Эффективность института определяется не строгостью санкций, а системностью их применения и неотвратимостью наступления для всех участников процесса, включая должностных лиц, что подтверждается анализом судебной практики.

Это понимание обобщает институт как динамичный механизм, где системность обеспечивает не только реакцию на нарушения, но и профилактику, подчеркивая его роль в балансе интересов и требуя адаптации к современным вызовам, таким как цифровизация.

Для устранения выявленных проблем – правовой неопределённости, недостаточной мотивировке, несоблюдения процессуальных гарантий, ограниченного использования технологий и коллизий с КоАП РФ – предлагаются меры, направленные на совершенствование правового

регулирования и правоприменения, с учётом недавних изменений УПК РФ 2025 года, включая гуманизацию мер пресечения (ФЗ № 13-ФЗ от 28.02.2025).

Эти изменения подчёркивают тенденцию к большей гуманности и оперативности, что позволяет интегрировать новые рекомендации, такие как расширение альтернативных мер пресечения для уязвимых категорий и использование цифровых активов в качестве объектов мер принуждения.

Совершенствование института требует приоритетного внимания к законодательным изменениям, поскольку текущие пробелы в УПК РФ создают основу для неоднородной практики, как видно из анализа дел. Внедрение четких дефиниций и критериев позволит не только устраниить неопределенность, но и усилить превентивную функцию, стимулируя участников к правомерному поведению. Кроме того, интеграция цифровых инструментов в процедуры должна сопровождаться гарантиями доступа, чтобы избежать новых форм неравенства и обеспечить инклюзивность процесса.

Законодательное закрепление понятий уголовно-процессуальной ответственности и правонарушения в УПК РФ необходимо для устранения выявленной правовой неопределённости. В первом случае отсутствие чётких критериев умысла и неявки свидетеля привело к отмене денежного взыскания, так как суд не доказал вину [3]. Во втором случае неявка подсудимого была квалифицирована как правонарушение без анализа обстоятельств, что привело к возврату дела прокурору [4].

Т.В. Мычак определяет уголовно-процессуальное правонарушение как противоправное и наказуемое деяние, препятствующее судопроизводству [27, с. 27]. Определение Т.В. Мычак систематизирует правонарушение как основу ответственности, но в рамках дел оно подчеркивает, что без закрепления в кодексе такая дефиниция остается теоретической, требуя законодательного фиксации для практической унификации и снижения апелляций.

Предлагается дополнить УПК РФ статьёй, определяющей уголовно-процессуальную ответственность как правоотношение, возникающее при нарушении процессуальных норм, направленное на обеспечение судопроизводства, и включающей перечень правонарушений (неявка, неподчинение распоряжениям суда, воспрепятствование расследованию) с указанием признаков вины, таких как осведомлённость об обязанностях и отсутствие уважительных причин, как предлагает М.В. Лапатников [24, с. 148-149].

Предложение М.В. Лапатникова о признаках вины обогащает подход, обосновывая, что их включение не только устранит неопределенность, но и усилит справедливость, предотвращая произвол и способствуя балансу между принуждением и защитой. Это обеспечит единообразие квалификации и минимизирует ошибки правоприменения.

Дополнительно, в условиях принятия ФЗ № 13-ФЗ от 28.02.2025, рекомендуется расширить перечень нарушения, связанные с цифровыми активами, позволяя их арест как меру принуждения для обеспечения иска, что актуально для киберпреступлений.

Детализация процедур применения мер, включая критерии соразмерности и уведомления, устранит выявленные недостатки мотивировки и процессуальных гарантий. В одном из дел арест имущества был отменён из-за отсутствия мотивировки и неизвещения собственников, что нарушило ст. 115 и ч. 4 ст. 7 УПК РФ [6]. В других делах временное отстранение от должности сопровождалось жалобами на недостаточную мотивировку и игнорирование личных обстоятельств, таких как здоровье или отсутствие доказательств давления [5], [2].

Н.В. Ковалевская подчёркивает, что право на объяснения – основа справедливого судопроизводства [19, с. 100]. Позиция Н.В. Ковалевской обосновывает, что право на объяснения не только гарантирует защиту, но и повышает качество решений, требуя его обязательного закрепления для минимизации отмен и укрепления доверия к процессу.

Предлагается изменить ст. 118 УПК РФ, закрепив обязательность указания в решениях конкретных фактов (например, попытки давления или связь имущества с преступлением), минимальный срок извещения (5 рабочих дней) и предоставление участникам права представить объяснения и документы о личных обстоятельствах, таких как здоровье или материальное положение, с учётом гуманизации по ФЗ № 13-ФЗ от 28.02.2025.

М.В. Лапатников предлагает чёткие критерии применения мер, таких как денежное взыскание, привод или арест имущества, с обязательным указанием оснований и пределов соразмерности, чтобы минимизировать риски нарушения прав, включая презумпцию невиновности [24, с. 148-149]. Вывод М.В. Лапатникова о критериях систематизирует процедуру, подчеркивая, что их детализация не только устранит диспропорции, но и усилит пропорциональность, обеспечивая логичное применение мер в различных контекстах.

Для большей актуальности, рекомендуется интегрировать нормы о видео-свиданиях с адвокатами (с 5 февраля 2025 г.), чтобы расширить гарантии для обвиняемых в изоляции, снижая риски процессуальных нарушений.

Расширение ответственности должностных лиц, таких как следователи и прокуроры, за процессуальные нарушения необходимо для обеспечения неотвратимости санкций, как указано в ст. 41.7 ФЗ № 2202-1, а также ст. 50 ФЗ № 342-ФЗ.

П.Л. Сурихин и Л.А. Попова отмечают, что формализация доказывания и отказ от объективной истины как цели судопроизводства затрудняют привлечение должностных лиц к ответственности, снижая эффективность уголовного процесса [31, с. 73-74]. Отказ от объективной истины ослабляет контроль, требуя реформы для восстановления неотвратимости и повышения общей эффективности ответственности. В деле № 3/6/А-2/2024 следователь не обосновал связь имущества с преступлением, что привело к отмене ареста [6].

Предлагается дополнить ст. 118 УПК РФ нормой, устанавливающей дисциплинарные меры за ненадлежащее извещение, недостаточную

мотивировку или игнорирование прав участников. Прокурорский надзор, предусмотренный ст. 41.7 ФЗ № 2202-1, должен включать проверку соблюдения процедур следователями, а в случае нарушений – применение мер, таких как выговор или понижение в должности.

Усиление роли прокурорского надзора не только обеспечит контроль, но и стимулирует профилактику нарушений среди должностных лиц, что особенно важно в условиях высокой нагрузки на систему. Кроме того, расширение ответственности должно учитывать специфику ролей, таких как судьи, с введением этических стандартов для предотвращения конфликтов интересов. Рекомендуется создать межведомственные комиссии для оценки нарушений, интегрируя данные из цифровых систем мониторинга, чтобы оперативно реагировать на системные сбои.

Внедрение современных технологий, таких как видеоконференц-связь (ВКС), устранит проблему необоснованного применения радикальных мер, как в деле № 1-519/2024, где суд не рассмотрел возможность ВКС, что привело к возврату дела [4].

Предлагается изменить ст. 113 и ст. 474.1 УПК РФ, обязав суды и следователей использовать ВКС перед применением привода или возврата дела, а также внедрить электронные уведомления через Единый портал госуслуг. Это соответствует принципу разумных сроков, подчёркиваемому в Постановление Пленума ВС РФ № 11, и актуально для цифровых преступлений).

Дополнительно, с учетом поправок, позволяющих арест цифровых активов, рекомендуется разработать протоколы для блокчейн-анализа в мерах принуждения, чтобы адаптировать институт к киберугрозам, с обязательным аудитом на соразмерность.

Разработка методических рекомендаций для судов по мотивировке решений о применении мер принуждения необходима для устранения отсутствия единства единообразия.

Ю.Э. Киль и В.А. Синицына подчёркивают необходимость чёткого разграничения судебного штрафа по ст. 117 УПК РФ и административного штрафа по ст. 17.3 КоАП РФ, как в решении Стародубского суда от 18 мая 2017 г. [17, с. 106-107]. Методические рекомендации не только устраният коллизии, но и повысят предсказуемость, стимулируя правомерное поведение и минимизируя судебные ошибки. В деле № 3/6-20/2024 спор о сроке ареста выявил правовую неопределенность ст. 115 УПК РФ [7]. Рекомендации Верховного Суда РФ должны включать инструкции по мотивировке (указанию фактов риска или связи с преступлением), учёту личных обстоятельств (например, здоровья), использованию ВКС и разграничению норм УПК РФ и КоАП РФ.

Ю.Э. Киль и В.А. Синицына предлагают внести изменения в КоАП РФ, уточнив составы правонарушений, таких как ст. 17.3, с введением признака систематичности нарушений, чтобы исключить дублирование санкций [17, с. 106-107]. Такой признак позволит дифференцировать нарушения, повышая пропорциональность и эффективность института.

Для повышения профессионализма судей и следователей необходимо внедрить программы обучения, акцентирующие анализ ошибок. П.Л. Сурихин и Л.А. Попова предлагают восстановить установление объективной истины как цель судопроизводства, реформировав доказательственное право и упростив процедуры расследования, чтобы повысить эффективность ответственности [31, с. 76]. П.Л. Сурихина и Л.А. Поповой обосновывают, что восстановление истины не только усилит ответственность, но и гармонизирует процесс с традициями, требуя интеграции в обучение для практического применения. Они также подчёркивают необходимость выстраивания законодательства на основе традиционных ценностей российского общества, избегая копирования западных моделей, и оптимизации управления процессами для обеспечения неотвратимости ответственности должностных лиц [31, с. 75-76]. Позиция П.Л. Сурихина и Л.А. Поповой о традиционных ценностях систематизирует реформы, подчеркивая, что ориентация на них

повысит культурную адаптивность и мотивацию, минимизируя заимствования и усиливая национальную специфику. Обучение через Российскую академию правосудия должно включать практическое применение ВКС, разграничение мер и анализ судебной практики, с модулями по новым поправкам, таким как ускорение разбирательств.

Мониторинг правоприменения через усиление прокурорского надзора и создание базы данных судебной практики позволит выявлять системные ошибки и разрабатывать стандарты. В.М. Лебедев подчёркивает важность прозрачности правоприменения для защиты прав участников [32, с. 115]. Анализ В.М. Лебедева о прозрачности обобщает, что мониторинг не только выявит ошибки, но и повысит подотчетность, обеспечивая эволюцию института в сторону большей открытости и эффективности. Эти меры обеспечат баланс между принуждением и защитой прав, повышая эффективность института. Уголовно-процессуальная ответственность является не просто элементом принуждения, а комплексным механизмом обеспечения законности, баланса публичных и частных интересов, защиты прав и свобод человека в уголовном процессе.

Дальнейшее развитие института требует совершенствования системы санкций, чёткого разграничения мер ответственности от иных процессуальных мер и расширения ответственности должностных лиц за процессуальные нарушения.

Представим выводы по третьей главе проведённого исследования.

В работе выявлены ключевые проблемы правового регулирования уголовно-процессуальной ответственности в современном законодательстве, основанные на анализе нормативной базы и судебной практики. В итоге, анализ проблем правового регулирования уголовно-процессуальной ответственности в современном законодательстве выявляет множество системных недостатков, включая фрагментарность норм УПК РФ, отсутствие четких определений ключевых понятий и коллизии с другими отраслями права, что приводит к неоднородному правоприменению и снижению

эффективности института в обеспечении процессуальной дисциплины; особенно остро эти пробелы проявляются в условиях цифровизации судопроизводства, где электронные уведомления (по ФЗ № 672-ФЗ) не всегда гарантируют равный доступ, создавая барьеры для уязвимых категорий участников и риски дискриминации; судебная практика подчеркивает недостаточную мотивированку решений, несоблюдение процессуальных гарантий (например, процедуры извещения и права на объяснения), ограниченное использование альтернативных мер обеспечения явки (таких как видеоконференц-связь), отсутствие единобразия применения мер принуждения из-за отсутствия нормативных критериев, что усиливает субъективизм, ослабляет превентивную функцию ответственности и стимулирует апелляции, затягивая процесс; смешение процессуальных мер с уголовными санкциями размывает границы ответственности, а чрезмерная формализация доказывания, отказ от объективной истины как цели и избыточные требования к соблюдению прав человека усложняют процедуры, снижают раскрываемость преступлений и неотвратимость ответственности, затрудняют привлечение должностных лиц за нарушения; коллизии с административной ответственностью, включая дублирование штрафов, снижают мотивацию к соблюдению норм; несовершенство механизмов учета индивидуальных обстоятельств (здоровья, материального положения) усугубляет нарушения гуманности, игнорируя уязвимых групп в контексте гуманизации процесса; все это подтверждается статистикой судебных отмен и доктринальными позициями, подчеркивая необходимость комплексного совершенствования законодательства для баланса между эффективностью мер, защитой прав и обеспечением законности в судопроизводстве.

Также определены пути совершенствования института уголовно-процессуальной ответственности, ориентированные на устранение выявленных недостатков через комплексные меры. Законодательное закрепление понятий ответственности и правонарушения в УПК РФ с перечнем нарушений и критериями вины (осведомлённость об обязанностях,

отсутствие уважительных причин) позволит устраниТЬ неопределённость, обеспечивая единообразие квалификации в случаях неявки или воспрепятствования расследованию. Детализация процедур применения мер (ст. 118 УПК РФ) с обязательной мотивировкой фактов, минимальным сроком извещения (5 дней) и учётом личных обстоятельств (здравье, материальное положение) минимизирует риски нарушений гарантий. Расширение ответственности должностных лиц за процессуальные нарушения через дисциплинарные меры (выговор, понижение в должности) и усиление прокурорского надзора обеспечит неотвратимость с восстановлением объективной истины как цели судопроизводства для упрощения доказывания. Внедрение технологий (ВКС по ст. 474.1 УПК РФ, электронные уведомления по ФЗ № 672-ФЗ) обязывает суды использовать альтернативы перед радикальными мерами, минимизируя неявку и затягивание. Разработка методических рекомендаций ВС РФ по мотивировке и разграничению норм УПК/КоАП (с признаком систематичности нарушений) исключит дублирование. Программы обучения для судей и следователей с анализом ошибок и мониторинг через базу данных практики повысят профессионализм и прозрачность, обеспечивая баланс принуждения и защиты прав.

Заключение

В работе раскрыто понятие и сущность уголовно-процессуальной ответственности как механизма государственного принуждения, связанного с процессуальным статусом участников и целями судопроизводства. Анализ доктринальных подходов и их критическая оценка показывают, что ответственность сочетает карательные, восстановительные и превентивные элементы, но страдает от правовой неопределенности из-за отсутствия законодательного определения. Это подчеркивает ее уникальность как института, стимулирующего правомерное поведение, и необходимость дальнейшего разграничения от других видов ответственности.

В рамках настоящего исследования определено место уголовно-процессуальной ответственности в системе юридической ответственности как самостоятельного института с межотраслевым характером, отличающегося от административной и уголовной по предмету, методу и целям. Дискуссии о самостоятельности и анализ коллизий с КоАП РФ и УК РФ выявляют проблемы фрагментарности регулирования, приводящие к противоречиям в практике. Вывод подчеркивает необходимость систематизации норм в УПК РФ для устранения дублирования санкций и повышения эффективности, особенно в контексте высокой общественной опасности нарушений.

Также исследована правовая природа и функции уголовно-процессуальной ответственности как двойственного института, объединяющего позитивные и негативные аспекты с акцентом на превентивную, воспитательную и компенсационную функции. Критический анализ концепций показывает предпочтительность негативной формы с государственно-принудительным элементом, а проблемы фрагментарности норм требуют законодательного закрепления.

В работе проанализировано уголовно-процессуальное правонарушение как основание ответственности, характеризуемое противоправностью, виновностью и вредностью, с акцентом на различие от ошибки.

Доктринальные подходы и практика показывают проблемы бланкетности норм и отсутствия перечня нарушений, что снижает эффективность. Подчеркнута необходимость законодательного закрепления перечня и критериев вины для единства квалификации, особенно в цифровой среде.

Также изучена система мер как совокупность принудительных инструментов, классифицированных по функциям (карательные, превентивные, восстановительные). Анализ мер и их различий от административных выявляет коллизии и несоразмерность. Вывод систематизирует меры как многофункциональные, требующие критериев применения для устранения дублирования и усиления гуманизации.

В рамках исследования раскрыт процессуальный порядок как процедуры, обеспечивающие законность применения мер, с акцентом на гарантии и цифровые инструменты. Нормативный анализ и практика подчеркивают необходимость мотивировки и уведомлений. Сделан вывод о важности баланса между принуждением и защитой, а также расширения технологий для повышения эффективности и устранения пробелов.

В работе выявлены ключевые проблемы правового регулирования уголовно-процессуальной ответственности в современном законодательстве, основанные на анализе нормативной базы и судебной практики. В итоге, анализ проблем правового регулирования уголовно-процессуальной ответственности в современном законодательстве выявляет множество системных недостатков, включая фрагментарность норм УПК РФ, отсутствие четких определений ключевых понятий и коллизии с другими отраслями права, что приводит к неоднородному правоприменению и снижению эффективности института в обеспечении процессуальной дисциплины; особенно остро эти пробелы проявляются в условиях цифровизации судопроизводства, где электронные уведомления (по ФЗ № 672-ФЗ) не всегда гарантируют равный доступ, создавая барьеры для уязвимых категорий участников и риски дискриминации; судебная практика подчеркивает недостаточную мотивировку решений, несоблюдение процессуальных

гарантий (например, процедуры извещения и права на объяснения), ограниченное использование альтернативных мер обеспечения явки (таких как видеоконференц-связь), отсутствие единобразия применения мер принуждения из-за отсутствия нормативных критериев, что усиливает субъективизм, ослабляет превентивную функцию ответственности и стимулирует апелляции, затягивая процесс; смешение процессуальных мер с уголовными санкциями размывает границы ответственности, а чрезмерная формализация доказывания, отказ от объективной истины как цели и избыточные требования к соблюдению прав человека усложняют процедуры, снижают раскрываемость преступлений и неотвратимость ответственности, затрудняют привлечение должностных лиц за нарушения; коллизии с административной ответственностью, включая дублирование штрафов, снижают мотивацию к соблюдению норм; несовершенство механизмов учета индивидуальных обстоятельств (здоровья, материального положения) усугубляет нарушения гуманности, игнорируя уязвимых групп в контексте гуманизации процесса; все это подтверждается статистикой судебных отмен и доктринальными позициями, подчеркивая необходимость комплексного совершенствования законодательства для баланса между эффективностью мер, защитой прав и обеспечением законности в судопроизводстве.

Также определены пути совершенствования института уголовно-процессуальной ответственности, ориентированные на устранение выявленных недостатков через комплексные меры. Законодательное закрепление понятий ответственности и правонарушения в УПК РФ с перечнем нарушений и критериями вины (осведомлённость об обязанностях, отсутствие уважительных причин) позволит устраниТЬ неопределённость, обеспечивая единобразие квалификации в случаях нейаки или воспрепятствования расследованию.

Детализация процедур применения мер (ст. 118 УПК РФ) с обязательной мотивированкой фактов, минимальным сроком извещения (5 дней) и учётом личных обстоятельств (здоровье, материальное положение) минимизирует

риски нарушений гарантий. Расширение ответственности должностных лиц за процессуальные нарушения через дисциплинарные меры (выговор, понижение в должности) и усиление прокурорского надзора обеспечит неотвратимость с восстановлением объективной истины как цели судопроизводства для упрощения доказывания. Внедрение технологий (ВКС по ст. 474.1 УПК РФ, электронные уведомления по ФЗ № 672-ФЗ) обязет суды использовать альтернативы перед радикальными мерами, минимизируя неявку и затягивание.

Разработка методических рекомендаций ВС РФ по мотивировке и разграничению норм УПК/КоАП (с признаком систематичности нарушений) исключит дублирование. Программы обучения для судей и следователей с анализом ошибок и мониторинг через базу данных практики повысят профессионализм и прозрачность, обеспечивая баланс принуждения и защиты прав.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абашева Т.А. К вопросу о понятии, сущности и признаках уголовно-процессуальной ответственности // Студенческий форум. 2021. № 39-2 (175). С. 21-27.
2. Апелляционное постановление от 13 августа 2024 г. по делу № 3/12-83/2024. Московский областной суд (Московская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RZdyt8UGeroT/> (дата обращения 10.02.2025).
3. Апелляционное постановление от 20 августа 2024 года по делу № 22-1802/2024. Оренбургский областной суд (Оренбургская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Sq54NGRFFKb8/> (дата обращения 10.02.2025).
4. Апелляционное постановление от 23 июля 2024 года по делу № 1-519/2024. Камчатский краевой суд (Камчатский край) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nf3ebuhQpeV5/> (дата обращения 10.02.2025).
5. Апелляционное постановление от 26 августа 2024 г. по делу № 3/8-1/2024. Томский областной суд (Томская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jfB3UAoKtQY9/> (дата обращения 10.02.2025).
6. Апелляционное постановление от 28 марта 2024 года по делу № 3/6/A-2/2024. Верховный Суд Республики Дагестан (Республика Дагестан) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TwHsJGI fz6QO/> (дата обращения 10.02.2025).
7. Апелляционное постановление от 28 марта 2024 года по делу № 3/6-20/2024. Верховный Суд Республики Крым (Республика Крым) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yq6bDr4uKMZb/> (дата обращения 10.02.2025).
8. Бакулина Л.Т. Проблемы теории права и правореализации: Учебник / Отв. ред. Л.Т. Бакулина. - М. : Статут, 2017. 320 с.

9. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М. : Наука, 1987. 112 с.

10. Волобуева В.К. Процессуальная ответственность отдельных участников уголовного судопроизводства // Научное обеспечение агропромышленного комплекса : Сборник статей по материалам 78-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2022 год. В 3-х частях, Краснодар, 01-31 марта 2023 года / Отв. за выпуск А.Г. Кощаев. Том Часть 3. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2023. С. 97-99.

11. Галдин М.В. Санкции в механизме уголовно-процессуального регулирования // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 4 (22). С. 67-72.

12. Гараева Т.Б. Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Гараева Татьяна Борисовна; [Место защиты: ФГКОУ ВО «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»]. Омск, 2021. 203 с.

13. Громов Н.А., Полунин С.А. Санкции в уголовно-процессуальном праве. М. : Городец, 1998. 152 с.

14. Замазкина П.А. Процессуальная ответственность: понятие, виды, сущность, особенности // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: традиции и инновации : Материалы Международного научно-практического фестиваля, Иваново, 19-29 апреля 2022 года. Иваново : Ивановский государственный университет, 2022. С. 658-664.

15. Зеленина О.А. Особенности процессуальной ответственности в уголовном судопроизводстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3 (31). С. 27-30.

16. Камынин И. Ответственность за нарушения в сфере уголовного процесса // Законность. 2006. № 1. С. 5-11.

17. Киль Ю.Э., Синицына В.А. Меры процессуального принуждения как вид процессуальной ответственности (теоретико-правовые аспекты) // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 1 (2). С. 86-110.
18. Ковалев В.М. Проблемы уголовно-процессуальной ответственности // Проблемы юридической ответственности и совершенствования законодательства в свете новой Конституции СССР: сб. науч. трудов. Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1979. С. 134-145.
19. Ковалевская Н. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуальных правонарушений // Вестник ОГУ. 2013. № 3 (152). С. 96-100.
20. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 25-123.
21. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 10.02.2025).
22. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/konstitutsii/> (дата обращения 05.02.2025).
23. Красильников С.В. К вопросу о реализации уголовно-процессуальной ответственности // Закон и право. 2018. № 3. С. 122-126.
24. Лапатников М.В. Дискуссионные аспекты применения мер уголовно-процессуального принуждения как начального этапа привлечения к уголовной ответственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 143-150.
25. Левченко О.В., Ильницкая Л.И. Процессуальная ответственность в уголовном процессе // Аграрное и земельное право. 2021. № 7 (199). С. 105-108.
26. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 409

27. Мычак Т.В. О понятии и правовом регулировании уголовно-процессуального правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2015. № 4 (23). С. 26-28.

28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 (ред. от 29.06.2021) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-29032016/> (дата обращения 10.02.2025).

29. Сорокин В.А. Понятие, функции и формы реализации уголовно-процессуальной ответственности // Евразийский юридический журнал. 2020. № 7 (146). С. 333-337.

30. Стrogович М.С. Сущность юридической ответственности. Сов. государство и право, 1979. № 5. 78 с.

31. Сурихин П.Л., Попова Л.А. К вопросу о влиянии уголовно-процессуального законодательства на эффективность реализации уголовной ответственности // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. № 2(24). С. 71-77.

32. Уголовно-процессуальное право : учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / под общ. ред. В.М. Лебедева. - 3-е изд., перераб. и доп. - М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. 936 с.

33. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 10.02.2025).

34. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 25.12.2023 № 672-ФЗ [Электронный ресурс]. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465608/ (дата обращения 10.02.2025).

35. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/zakon-rf-ot-17011992-n-2202-1-o/> (дата обращения 10.02.2025).

36. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025)» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-30112011-n-342-fz-o/> (дата обращения 10.02.2025).

37. Чуклова Е.В. Уголовно-процессуальная ответственность: понятие и особенности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2015. № 3 (22). С. 62-64.

38. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 143 с.

39. Юмашев С.В. Основания применения уголовно-процессуальной ответственности // Проблемы применения уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства в деятельности судов и органов предварительного расследования : Сборник научных статей по итогам научно-практической конференции магистрантов, Воронеж, 17 апреля 2023 года / Отв. за выпуск А.А. Дядченко. - Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2023. С. 220-224.

40. Юмашев С.В. Понятие и признаки уголовно-процессуальной ответственности в доктрине уголовного процесса // Проблемы применения уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства в деятельности судов и органов предварительного расследования : Сборник научных статей по итогам научно-практической конференции магистрантов,

Воронеж, 17 апреля 2023 года / Отв. за выпуск А.А. Дядченко. – Симферополь :
ООО «Издательство Типография «Ариал», 2023. С. 216-220.